

«Истинная сила —
не в том, чтобы побеждать.
А в том, чтобы слышать
сердце врага
и выбрать его».

— Песнь Разбитых
Королевств

ЧАСТОТА *твоего* ПУЛЬСА

Нора Эллис

18+

Нора Эллис

Частота твоего пульса

«Автор»

2026

Эллис Н.

Частота твоего пульса / Н. Эллис — «Автор», 2026

Сейди Чён — гениальный биометрик. Её жизнь подчинена логике, коду и датчикам, считывающим пульс. В свободное время она клеит крылья из органзы для Комик-Кона и точно знает: в её жизни нет места случайностям и мужчинам в тяжёлой броне. Но у судьбы скверное чувство юмора. Незнакомец с выставки, заставивший её спорить о финале любимого фэнтези, оказывается Лиамом Хартом — новым куратором её стартапа. Пугающе проницательным инвестором, который читает её код лучше, чем она сама. Лиам не просто вкладывает деньги. Он вкладывает внимание. А когда враги крадут её разработки, он становится её щитом, рискуя всем ради её имени. Сейди привыкла быть автономной системой. Но как объяснить разуму, что настоящая свобода — это не когда ты одна, а когда находишь свою точку опоры? Взрослый, умный роман о том, как два разбитых осколка складываются в нечто большее.

© Эллис Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Крылья из стекла	5
Глава 2. Вопрос из зала	10
Глава 3. Горький кофе	14
Гла	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Нора Эллис

Частота твоего пульса

Глава 1. Крылья из стекла

«В начале была тьма. Потом — маленький свет в ней, который не просил разрешения существовать».

«Песнь разбитых королевств», часть первая

— Привет, маленькая фея.

Голос прорезался сквозь плотный гул басов из соседнего павильона, шум толпы и запах озона, смешанный с чужим потом и дешёвым пластиком. Я с силой прижала язык к верхнему нёбу за сомкнутыми зубами — моя стандартная физическая реакция на незапланированные раздражители. Из всего словаря подкатов этот заход был самым ленивым.

Я не стала оборачиваться. Вместо этого сфокусировалась на стенде перед собой.

На чёрном бархате под стеклом лежал кулон. Свет галогеновых ламп ловил его неровно: вспышка синего, вспышка фиолетового. В прозрачной толще скрывалось гранёное хромированное сердце. Идеальная работа. Кто бы это ни сделал, он знал толк в балансе и металлическом напылении.

Я бы узнала этот кулон вслепую. Свой экземпляр «Песни разбитых королевств» я купила на блошином рынке семь лет назад. Истрёпанная обложка, оторванный корешок. Тогда я отдала за неё половину своего недельного бюджета на еду, потому что увидела на обложке хрупкую, но воинственную фею. Главная героиня, Элара, выживала за счёт аналитики, а не магии. Для меня, привыкшей измерять мир в байтах и герцах, история двух рациональных людей, выбравших доверие вопреки математике войны, стала личным якорем.

Ради неё я потратила три месяца выходных. Сейчас жёсткий корсет безжалостно сдавливал мне нижние рёбра, лопатки ощутимо ныли от натяжения проволоки, а на указательном пальце до сих пор саднила мозоль от пассатижей. Мой сегодняшний костюм весил четыре килограмма.

— Поклонница Элары?

Голос раздался совсем рядом, почти над плечом.

Так. Он не отстал.

Я резко развернулась, мысленно формулируя вежливый, но ледяной отказ, призванный сэкономить нам обоим время.

Взгляд, инстинктивно рассчитанный на уровень лица среднестатистического человека, уткнулся в тёмную броню ровно в районе солнечного сплетения. Сто пятьдесят восемь сантиметров моего роста против чужой, подавляющей вертикали. Мне пришлось сильно запрокинуть голову, чтобы найти его лицо. В шее тихо хрустнуло.

Материал его брони мастерски имитировал колотый камень — матовый полимер с глубокими тенями в искусственных трещинах. Отличная балансировка веса для такой массивной конструкции. Выше — чёрная рубашка, расстёгнутый ворот. Резкие скулы, прямой нос. Тёмные волосы пребывали в состоянии выверенного беспорядка, который не требует расчёски.

— Очень оригинально, — ровно произнесла я, удерживая зрительный контакт.

Он стоял расслабленно, перенес вес на одну ногу.

— Оригинально что? — Его голос прозвучал мягко, почти лениво, но с явным весельем.
— Назвать тебя поклонницей Элары?

Я замерла. До меня дошла суть шутки. Я стою прямо под огромным рекламным баннером «Песни разбитых королевств», на плакате героиня, я держу в руках сюжетный артефакт. Вывод о моих литературных вкусах не требовал дедукции уровня Шерлока.

Но меня задело другое. Меня задела *«маленькая фея»*.

Дешёвый, заезженный оборот. Я резко развернулась обратно. Тонкая проволока каркаса больно впиалась в лопатку под ткань платья.

— Оригинально про «маленькую фею», — парировала я, сохраняя профессиональную отстраненность. — Заготовка из нулевых?

Где-то справа ослепительно сверкнула вспышка фотоаппарата. Белый свет мазнул по его каменной броне, выхватил фактуру моей органзы и исчез, оставив перед глазами плавающие цветные пятна.

Я дышала слишком быстро.

— Или, может, это из-за того, что я маленького роста? — выпалила я. Хотя я и выросла из времени, когда смех над моим ростом заставлял меня переживать, сейчас остановить поток возмущения стало сложно.

Я захлопнула рот, плотно сжав губы, и устояла на него, ожидая, что он наконец извинится и исчезнет.

Но он не исчез.

— Ммм, — протянул он. Низкий звук завис между нами.

Он не выглядел смущённым или опешившим. Он чуть прищурился, внимательно рассматривая моё пылающее лицо. Затем медленно наклонил голову вбок.

— Ты спрашиваешь, почему я назвал тебя феей. — звучит не вопросительно. Интонация взрослого, пытающегося подтолкнуть запутавшегося школьника к очевидному ответу.

Незнакомец чуть прищурился. Медленно перевёл взгляд за моё левое плечо. Потом за правое. Скользнул глазами по расшитой кристаллами ткани и снова посмотрел мне в лицо. Уголок его рта пополз вверх.

Логика догнала реальность с опозданием.

Четыре килограмма моего собственного инженерного упрямства выступали на полметра с каждой стороны моей спины.

Я буквально стояла в костюме феи.

Моё лицо должно было выразить понимание, потому что незнакомец продолжал улыбаться. Мне.

И в этот момент я обратила внимание на то, что возвышалось за его собственной спиной. Массивный угловатый каркас. Жёсткие перья из матового полимера с синеватым отливом.

Каэлин.

Только у захватчиков с севера были такие тяжёлые крылья. Это многое объясняло про уровень его наглости.

— Финальная сцена оправдала ожидания? — он протянул руку и легко взял книгу с витрины. Перелистнул несколько страниц, не опуская глаз на текст — жест человека, знающего содержание наизусть.

— Смотря чего вы ожидали, — ответила я.

— Того, чего автор явно не планировал давать, — произнёс он, аккуратно хлопывая томик и возвращая его на стенд. — Да, они заключили военный союз. Но автор просто закрыл дверь перед носом, уйдя от ответа на вопрос, который выстраивался четыреста страниц.

Я втянула сухой, пропахший пылью павильона воздух. Споры о финале были моей больной мозолью.

— Финал логичен, — отрезала я. — Автор оставил право ответа за читателем. Не всё нужно декларировать в лоб.

— Удобный способ защитить сюжетную недоработку, назвав её художественной недосказанностью.

— Каэлин в третьей главе двадцать второй части говорит: «Некоторые вещи меняются тихо». — Я чуть подалась вперёд, игнорируя ноющую боль между лопатками. — Это не случайная фраза. Это ключ к пониманию финала их арки.

Он склонил голову набок, сканируя моё лицо с новым, цепким интересом.

— Двадцать вторая часть, третья глава, — повторил он задумчиво. — Вы цитируете текст с указанием номеров?

— Я помню структуру, если она имеет значение.

— Тогда вы должны помнить, что спустя шесть страниц Элара отвечает ему: «Всё самое важное в итоге говорится вслух». — Он сделал полшага ближе. Дистанция между нами сократилась. — И в финале вслух не проговаривается ничего.

Я сцепила пальцы. Элара тогда смотрела в окно.

— Это демонстрация внутреннего конфликта, — холодным тоном ответила я, заставляя себя не отступать. — Она требует формулировок, он отвечает действиями. Финальная сцена написана на его языке, а не на её.

Он молчал секунду. Уголок его губ дрогнул, трансформируясь во что-то похожее на признание удачного хода.

— Маленькая фея, — произнёс он вполголоса, глядя на сияющий каркас за моей спиной. — С аргументацией размером с боевого дракона.

Интонация была мягкой, изучающей. Это пробивало выстроенную броню куда эффективнее, чем агрессия. Я снова с силой прижала язык к зубам.

— Обычно ко мне так не обращаются, — процедила я.

— Охотно верю. — Он коротко кивнул. — А как обращаются? Я Лиам, кстати.

Ну уж нет. Ни за что.

Поднимаю бровь, складываю губы в то самое выражение, которое обычно приберегаю для людей, спрашивающих пароль от корпоративного вайфая. Молчу.

А может выдать самую отстраненную формулировку, пресекающую дальнейшее знакомство?

— Сейди, вот ты где!

Голос Ханны разрубил нависшую над нами дискуссию. Она вынырнула из толпы косплееров, сжимая в руке массивную пластиковую серьгу. Её взгляд мгновенно просканировал дистанцию между мной и Лиамом, моё напряжённое лицо и его расслабленную позу. Выводы она сделала безошибочно.

Ханна поправила сползающий ремешок кожаной сумки и остановилась рядом.

— Привет, — сказала она абсолютно нейтрально, глядя на него. Слишком нейтрально для Ханны.

— Добрый день, — он ответил всё с той же доброжелательной улыбкой, чуть наклонив голову. И что-то в его взгляде явно зафиксировало моё имя на будущее.

— Нам пора, — бросила я.

Развернулась резко. Металлический каркас натянулся под платьем, край правого крыла задел бархатный стенд с тихим хрустальным перезвоном.

Ханна, не задавая вопросов вслух — что само по себе было подозрительно, — взяла меня под локоть и быстро пошла рядом, пробивая нам путь сквозь плотную, гудящую толпу эльфов и супергероев.

Я не оглядывалась.

За исключением спора о финале, день прошёл на удивление хорошо. По крайней мере, я не развалилась на составные части — хотя к вечеру стопы гудели так, будто я всю дорогу шла

не по бетонному полу павильона, а по битому стеклу, а плечи ныли под весом крыльев так, что я уже практически физически ощущала форму каждой проволочины каркаса.

Мы бродили ещё шесть часов. Шесть часов лавирования между косплеерами в доспехах из EVA-пены, которые то и дело задевали мои крылья — я извинялась примерно раз в десять минут, чувствуя себя неуклюжим насекомым, вырвавшимся не в тот павильон. Ханна умудрялась выглядеть свежей всю дорогу, хотя подол её наядского платья цеплялся за чужие сумки не реже моих крыльев.

На стенде с крафтом она выторговала серьги с имитацией камней и открытку с осьминогом — тот смотрел с бумаги с таким лицом, будто уже понял всё про мироздание и слегка разочарован. Я нашла принт с Эларой. Небольшой, на плотной матовой бумаге, глубокий чёрный и холодная синева. Убрала в файл, стараясь не помять уголки — руки всё ещё немного подрагивали после разговора у стенда с книгами.

Мы фотографировались с эльфами, которые оказались обычными парнями в кроссовках под балахонами. Съели по хот-догу, обжигаясь горчицей. Посмотрели выступление ростовых кукол.

Забыть о стычке с Лиамом не вышло. Он то и дело попадался на глаза.

У стенда с настольными играми — хохочет так, что даже очередь заражается, хлопает продавца по плечу с видом старого знакомого. Потом — позирует для фото с двумя девушками в капроновых крылышках, поправляет им крепления, чтобы лучше смотрелось в кадре. Заботливый. Прекрасно.

У фотобудки, когда мы стояли в очереди. А он стоял со стаканчиком кофе через несколько стендов от нас, серьезно глядя в свой телефон.

Я слушала, как Ханна разбирает механику инди-игры, к стенду которой мы собирались дойти дальше, и тут он поднял голову от телефона и поймал мой взгляд.

Прямое попадание. Я не успела отвернуться вовремя — как школьница, застуканная за списыванием. Клянусь, это была случайность и дурацкая работа периферийного зрения. Но по его ухмылке выходило, что это была слежка. Он подмигнул.

Я развернулась к очереди с такой скоростью, что крыло чиркнуло по чьей-то сумке. Семь пар до фотобудки. Я считала их про себя, только бы не поворачивать голову обратно.

— Ты знаешь, что с тобой флиртовали? — спросила Ханна уже в метро.

Вагон покачивался, скрипел на стыках. Крылья я так и не сняла — расстегнуть каркас без зеркала было отдельным инженерным упражнением, а связываться с ним посреди вагона не хотелось. Несколько человек оглядывались: дети — открыто, взрослые — исподтишка, один мужчина напротив разглядывал кристаллы с лицом человека, кому любопытна технология, но признаться в этом вслух он готов не больше, чем в любви к сериалам про русалок.

Мне нравилось это внимание. Обычно меня не замечают — не потому что невидимка, а потому что маленькая и хожу быстро, просачиваясь сквозь толпу, а она даже не успевает расступиться. С крыльями я вдруг стала занимать пространство. Непривычно. Приятно, если честно.

— Что? — переспросила я, глядя в тёмное стекло, где вместо тоннеля отражались мы обе.

— С тобой флиртовали, — повторила Ханна. Не вопрос. Прислонилась к стеклу, ракушки в её волосах тихо звякнули.

— Кто?

— Тот, у стенда с книгами.

А. Ну конечно.

— Он спорил о книге, — сказала я. — Это разные вещи.

Ханна посмотрела на меня с выражением, которое я успела выучить за десять лет дружбы: полное отсутствие желания спорить при полном несогласии.

— Конечно, — сказала она.

Спорить не хотелось. Горло першило от кондиционера, а голова гудела не хуже плеч.

Дома я сняла костюм аккуратно, как снимают что-то, что стоило три месяца работы, упаковала крылья в коробку. В душе смывала с себя весь Комик-Кон вместе с гримом, и под конец в воде осталось что-то среднее между усталостью и странным сожалением — как будто вода забирала вместе с блёстками ещё и ощущение, что я весь день была кем-то другим.

Заварила чай, легла с книгой. Открыла на двадцать второй части, третьей главе. Нашла ту реплику.

«Некоторые вещи меняются тихо», — сказал Каэлин, и не смотрел на неё, пока говорил.

Перечитала сцену дважды.

Лиам был неправ насчёт финала. Это факт, и я готова была подтвердить его под присягой.

Но страницы он помнил правильно. И это раздражало сильнее, чем подмигивание у фотобудки — потому что если человек помнит номера частей и глав так же хорошо, как я, значит, он не просто выцепил случайную цитату, чтобы порисоваться. Значит, он действительно читал.

А это уже не пикаперская реплика про фею. Это что-то другое.

Я захлопнула книгу чуть резче, чем требовалось, и так и не смогла объяснить себе, почему меня это вообще должно волновать.

Глава 2. Вопрос из зала

«Элара научилась задавать вопросы так, чтобы ответ на них не мог быть ложью».

«Песнь разбитых королевств», часть четвёртая

Я опоздала на четыре минуты.

Четыре минуты. В масштабах вселенной — ничто, в масштабах моей сегодняшней презентации — пропасть. Это была исключительно личная катастрофа, масштаб которой в огромном здании конференц-центра осознавала только я. Я выехала с запасом в сорок минут, рассчитывая на спокойную регистрацию и возможность проверить звук до начала сессии, но состав метро замер в тёмном тоннеле между станциями без всяких предупреждений.

Машинист упорно хранил молчание, двери оставались заблокированными, а мужчина напротив меня, прислонившись к дверям, безразлично листал ленту в смартфоне. Я физически ощущала, как время буквально утекает сквозь пальцы, пока я мертвой хваткой вцепилась в неприятно холодный металлический поручень. Ладони начали влажнеть, и под тонким джемпером по позвоночнику поползла неприятная капля пота. Я переступила с ноги на ногу, чувствуя, как начинают ныть мышцы поясницы.

Когда поезд наконец с лязгом выехал на станцию и двери разъехались, я выскочила на платформу первой, почти не глядя по сторонам. Каблуки моих туфель дробно и ритмично застучали по металлическим ступеням эскалатора. Когда я вылетела на улицу, дыхание уже сбилось, в горле першило. Я остановилась на секунду перед стеклянными вращающимися дверями комплекса, сделала глубокий вдох и с силой прижала язык к задней стенке зубов за плотно сомкнутыми губами. Эта старая уловка — переключить внимание тела на локальное мышечное напряжение — немного помогла унять предательскую дрожь в коленях и вернуть контроль над дыханием.

В просторном холле стоял гул: перемешивались голоса сотен людей, шум работающих кондиционеров и звон посуды из зоны кейтеринга. Воздух здесь был пересушен и пах озоном от десятков экранов. Я подошла к стойке регистрации под буквой «Ч», на ходу поправляя широкие брюки-палаццо, которые вечно норовили собраться складками, и съехавший ремешок сумки с ноутбуком. Лямка уже начала ощутимо давить на плечо, заставляя меня невольно перекоситься вправо.

Амфитеатр зала «А» был рассчитан на триста мест. Тёмный плотный ковролин жадно глушил шаги, и я почти бесшумно пробралась к середине зала. Красные кресла выглядели представительно, но когда я опустилась на свободное место, пружинный механизм предательски скрипнул. Я тут же поерзала, пытаюсь устроиться удобнее, и неловко задела носком туфли чужой рюкзак, стоявший в проходе.

— Простите, — прошептала я женщине справа, даже не взглянув на её лицо.

Я наконец достала блокнот, ощущая кончиками пальцев знакомую фактуру обложки. На сцене уже выступал докладчик. Свет мощных софитов бил сверху, выхватывая деревянную трибуну, из-за чего последние ряды аудитории тонули в густой тени. Я слушала вполуха, методично записывая удачные формулировки и делая пометки о реакциях аудитории: кто-то откровенно скучал, глядя в потолок, кто-то оживленно кивал. Край страницы загнулся под пальцем, я машинально расправила его, чувствуя, как гладкая бумага приятно скользит под кончиком ручки. Мои ступни в туфлях окончательно онемели, а во рту неприятно пересохло. Тело всегда так реагировало на публичное выступление: перераспределяло кровотоки, готовясь то ли бежать, то ли сражаться.

— ...таким образом, мы видим, что точность датчика падает при экстремальных нагрузках, — голос докладчика гулко отражался от стен.

За основной частью последовали вопросы. Я старалась фиксировать их в блокноте, отмечая суть, затем выступил ещё один спикер, и наступила моя очередь.

Когда модератор произнёс моё имя, я встала, одёрнула помявшийся джемпер и направилась к сцене. Деревянная трибуна оказалась массивной, с приятной, чуть шероховатой фактурой края, за который было удобно держаться. Я положила блокнот на наклонную полку, прикоснулась к микрофону и отметила качество поворотного шарнира: плавный ход, отличная сборка — инженерная часть мозга привычно оценила конструкцию. Зал передо мной превратился в размытое тёмное пятно из-за слепящего света прожекторов, но я заставила себя смотреть прямо в аудиторию, фокусируясь на центральных рядах.

Через две минуты ледяной холод в пальцах отступил. Я погрузилась в профессиональное спокойствие.

Я говорила о «Пульсе». О нашем алгоритме, который обрабатывал сигнал на самом устройстве, не требуя постоянной связи с облаком. О том, как мы синхронно снимаем ЭКГ, вариабельность сердечного ритма, микроизменения температуры кожи и кожно-гальваническую реакцию.

— Наша модель оценки стрессовой нагрузки анализирует комплексные паттерны, — произнесла я в микрофон, чувствуя, как голос обретает привычную уверенную плотность. — Цель устройства — оценить вероятность синкопального состояния и признаков критического переутомления до появления очевидных симптомов у пользователя.

Я нажала кнопку кликера, чтобы переключить слайд, но он не среагировал. Пришлось вдавить кнопку чуть сильнее, до заметного щелчка пластика, и только тогда график на экране за моей спиной сменился. Я сделала короткий глоток воды из стакана, стоявшего на трибуне, чтобы убрать сухость в горле.

Это была моя территория. Данные, тесты, модели и бесконечные таблицы, на которые ушли месяцы работы. Я скользила взглядом по рядам, которые видела без труда, отмечая мелкие детали: мужчина в очках с толстой оправой перестал листать программу и наклонился вперёд; кто-то в третьем ряду отложил телефон и начал делать пометки. Верхние ряды были погружены в полумрак, и с трибуны их почти не было видно, поэтому я избегала смотреть туда, концентрируясь на тех взглядах, которые могла различить.

— Существующие решения либо жертвуют точностью ради энергоэффективности, либо автономностью ради точности, — сказала я, опираясь руками о прохладные края трибуны. — Мы нашли третью позицию.

Последний слайд высветился на экране. По залу прокатилась волна аплодисментов, и по их плотности я поняла, что аудитория действительно слушала. Я позволила себе короткий кивок и шагнула чуть в сторону.

— Вопросы? — спросил модератор.

В воздух взметнулись несколько рук. Первые три вопроса были стандартными: производственная масштабируемость, регуляторные требования, возможность интеграции в больничные системы. Я отвечала чётко, ссылаясь на конкретные разделы нашей документации. В зале было душно, мощный кондиционер гудел где-то под потолком, и поток холодного воздуха периодически опускался прямо на мои плечи, заставляя кожу покрываться «гусиной кожей».

— Есть ещё вопросы? — модератор посмотрел в зал.

В самом последнем ряду, там, где свет софитов рассеивался и превращался в серую дымку, поднялась рука.

Мужчина встал. Из-за контрового освещения я видела только тёмный силуэт: высокий рост, широкие плечи. В том, как он поднялся с кресла — без лишней суеты — чувствовалась уверенность.

— Вы описываете алгоритм отсева шумов как ключевое конкурентное преимущество, — произнёс он.

Его голос был низким, с лёгкой хрипотцой, и он говорил так, будто каждое слово имело свой точный вес. Знакомая интонация мазнула по памяти, но мозг инженера уже переключился на обработку сути вопроса.

— Вы говорите о точности в клинических условиях, — продолжил мужчина, и гул зала мгновенно стих. — Но клинические условия контролируемы по определению. Какова точность оценки стрессовой нагрузки в условиях реального использования: физическая активность, термическая нагрузка, электромагнитные помехи от других носимых устройств?

Вопрос пришёлся ровно по тому месту, которое мы месяцами пытались стабилизировать в лаборатории. Человек в дальнем ряду прекрасно понимал, где именно ломаются подобные технологии при выходе в реальный мир. Три дня назад в лаборатории Элай предупреждал меня, что полевые данные станут главной мишенью для критиков, но я отмахнулась из-за нехватки места на слайдах. Сейчас пришлось признать, что он оказался абсолютно прав.

Я снова прижала язык к зубам за закрытыми губами, собираясь с мыслями. Я знала ответ, потому что у меня были данные полевых тестов.

— Полевые испытания показали снижение точности модели на семь процентов при высокоинтенсивной физической нагрузке, — мой голос прозвучал ровно и профессионально, хотя я чувствовала, как напряглись мышцы шеи. — По остальным параметрам отклонение в пределах допустимого коридора. Данные есть, они не вошли в презентацию из-за лимита времени, но я готова их предоставить.

Он не стал спорить сразу. Силуэт чуть склонил голову набок, обдумывая услышанное. Эта пауза и этот наклон головы отозвались во мне острой вспышкой узнавания, будто дежавю.

— Семь процентов — это граничное значение для медицинского применения. Как вы планируете с этим работать?

— Мы работаем с этим уже сейчас, — я чуть вскинула подбородок, глядя прямо в тёмную фигуру. — Следующая итерация алгоритма включает адаптивную калибровку под двигательный паттерн пользователя. Предварительные результаты — снижение погрешности до трёх процентов.

— Когда? — вопрос прозвучал мгновенно, без раздумий.

— Через четыре месяца у нас будет достаточно данных для публичной демонстрации.

Он кивнул и сделал короткую пометку в своём блокноте. А затем начал садиться. В момент, когда его фигура опускалась на кресло, он повернулся вполоборота к проходу, чтобы потянуть сиденье вниз, и рассеянный свет от дежурных ламп на полу на секунду мазнул по половине его лица.

Тёмные волосы. Знакомый профиль.

Воспоминание щёлкнуло безошибочно. Стенд с книгами. Тёмные крылья из почти чёрного каркаса. Спор о финале двадцать второй части.

Лиам.

Мои пальцы крепче сжали край трибуны, пока я переваривала этот факт, стараясь сохранить выражение лица каменным. У меня не было времени задерживаться на этой мысли, потому что модератор уже благодарил меня и объявлял следующего спикера. Я спокойно собрала блокнот, аккуратно задвинула микрофон и покинула сцену, чувствуя, как ноги стали ватными.

Хоть профессиональное спокойствие на меня и снизошло, после выступления мне остро требовалась передышка от зала и этих прожекторов. Я вышла через дверь возле сцены.

В коридоре было прохладно и пусто. Автомат с водой гудел компрессором у дальней стены, ритмично подрагивая. Я остановилась, чувствуя, как ремешок сумки врезается в плечо, и стянула его чуть ниже, поправляя воротник. Рядом со мной мужчина в мятом пиджаке с

громким пластиковым треском свернул крышку бутылки с газировкой. Этот резкий бытовой звук выдернул меня из задумчивости.

Я нащупала в сумке свою бутылку воды. Она уже не была такой холодной, какой я её купила, вокруг неё по подкладке сумки скопился конденсат. Я отпила немного и подняла голову. Напротив автомата, у входа в следующий зал, стоял высокий спонсорский баннер. Синий логотип инвестиционного фонда, а на регистрационном столике рядом — нераспечатанная стопка синих лент для бейджей. Точно таких же, как те, что выдавали на входе представителям венчурных компаний.

Память инженера сработала автоматически, вытаскивая визуальный фрагмент минутной давности: когда мужчина в дальнем ряду сел на место, на его груди мелькнула точно такая же синяя полоска.

Значит, парень с Комик-Кона пришёл сюда не как студент и не как разработчик соседнего стартапа. Он пришёл изучать проекты. Оценивать риски. Слушать цифры.

Как интересно получается. Папа бы сказал: «Как тесен мир». Сейчас я бы с ним согласилась.

Телефон в кармане брюк коротко завибрировал.

Я достала его, касаясь экрана прохладными пальцами. На экране светилось сообщение от Ханны: «*Как прошло?*»

Я быстро набрала: «*Нормально*».

Это было чистой правдой. Я ответила на сложный технический вопрос, я защитила свои данные. Доклад состоялся.

Я заблокировала телефон, перекинула сумку на другое плечо и толкнула тяжёлую дверь, возвращаясь в зал, где только что выступал человек, который, похоже, решил проверить мой алгоритм на прочность.

Глава 3. Горький кофе

«Ожидание — это отдельный вид работы. Ему просто не учат».
«Песнь разбитых королевств», часть вторая

Две недели после конференции — такой особый тип времени. Оно не тянется, не летит: оно существует параллельно с тобой, тяжелое и вязкое, пока ты ждёшь решения, которое от тебя совершенно не зависит. Я чувствовала это ожидание почти физически — в пересушенном воздухе лаборатории, который раздражал слизистую носа, в навязчивом, циклическом гуле серверов, который, казалось, резонировал с моей собственной тревогой, заставляя виски слегка пульсировать.

Комитет по финансированию рассматривал заявки от восемнадцати проектов. Наш был одним из них. Это была просто статистика, сухие цифры, а не трагедия мирового масштаба — мне удавалось удерживать этот холодный, отстранённый взгляд примерно восемьдесят процентов рабочего времени. Оставшиеся двадцать я тратила на бесконечный пересчёт бюджета, мысленное переписывание вводных абзацев заявки и вопрос «что, если» в его самых деструктивных и бесполезных вариациях. Я сидела за своим столом, уставившись в монитор, где ряды цифр и графики расплывались в серые пятна, и неосознанно крутила на пальце тонкое кольцо — привычка, которая всегда выдавала мою внутреннюю лихорадку. Кожа под кольцом покраснела от постоянного трения.

Элай подошёл к моему столу в среду, с кружкой кофе, которую поставил передо мной без спроса. От керамики шёл густой пар, пахнувший пережаренными зёрнами и офисной рутинной, смешанной с чем-то металлическим.

— Ты пьёшь уже четвертую сегодня, — сказал он, облачаясь на косяк. — Это плохой знак?

Я перевела взгляд с экрана на его руки. Элай знал, что я перестаю считать чашки только в периоды глубокого стресса. Я выпрямила спину, чувствуя, как хрустнул позвонок между лопатками, и потянулась к кружке, обжигая пальцы.

— Это статистически недостаточная выборка, — отозвалась я, делая маленький глоток. Горячая жидкость обожгла язык, и я поморщилась.

Элай Накамура был моим коллегой уже три года — немного взъерошенный, с привычкой думать вслух, которая сначала раздражала, а потом стала неотъемлемой частью нашего рабочего пейзажа.

Это человек, который поверил в меня: молодую низкорослую аспирантку, пришедшую к нему с сырыми идеями. Вместе с ним мы довели эти мысли до ума и начали работу над «Пульсом». Хотя он и руководил нашей группой, профессорское прошлое помогало ему работать с нами как с равными. Вся наша группа — восемь человек, небольшой, но сплочённый стартап, выросший из университетского исследования. Теперь мы гордо звались Pulse Dynamics и арендовали лабораторию в университетском парке.

На нём была его вечная серая толстовка с растянутыми манжетами, а за ухом, как всегда, торчал карандаш, готовый к работе. Он занимался алгоритмической частью нашего проекта: написал первый вариант фильтра шумов и убедил меня, что адаптивная калибровка возможна раньше, чем я была готова в это поверить.

— Они скажут «да», — сказал он, засовывая руки в глубокие карманы толстовки и переминаясь с ноги на ногу.

— Ты не знаешь этого.

— Нет. Но у нас лучшие данные в подборке. Я видел другие заявки.

Я замерла, так и не донеся кружку до губ. На секунду в кабинете стало неестественно тихо, слышно было только гудение кондиционера.

— Ты не должен был видеть другие заявки, — сказала я, чувствуя, как внутри всё сжалось. Это ведь конфликт интересов, даже если бы его допустили к документам как эксперта, он был заинтересованным лицом. Надеюсь, это не всплывёт. Иначе мы можем забыть о финансировании навсегда.

— Не должен, — согласился он без тени раскаяния, лишь слегка приподняв брови. — И всё равно — у нас лучшие данные.

Я решила, что лучше промолчу. Пусть так. Он ответственный человек, и всегда был осторожен, если дело касалось репутации проекта.

Я сделала ещё глоток. Кофе был горьковатым — Элай всегда делал его чуть крепче, чем нужно, — но тёплым. Это было именно то, что мне требовалось в среду, в половине четвёртого дня. Тепло начало медленно разливаться по грудной клетке, немного ослабляя зажим, который сдавливал лёгкие последние несколько часов.

В пятницу вечером Ханна утащила меня в кофейню на углу нашей улицы — маленькое место с шершавыми деревянными столами и светом такой степени теплоты, который делал всё окружающее чуть менее тревожным. За окном сгущались синие сентябрьские сумерки, а внутри пахло корицей, молотым зерном и уютом. Мы взяли латте, Ханна заказала ещё пирог с черникой и разрежала его пополам без лишних слов, аккуратно отодвинув в сторону вазочку с сухими цветами, чтобы освободить место.

Ханна и я познакомились на первом курсе университета, в бесконечной очереди в столовую. Она стояла передо мной и читала книгу, держа поднос в одной руке и том в другой, умудряясь делать это без единого столкновения с окружающими — что при очереди в двадцать человек было маленьким подвигом. Я помню тот запах влажных шерстяных пальто и дешёвого супа, в котором Ханна выглядела совершенно инородным, прекрасным элементом.

Я попросила её подвинуться, потому что мне нужно было забрать свой поднос. Она отошла, не отрывая взгляда от страницы, и бросила: «Извини, тут хорошее место».

Это было всё. Начало дружбы.

Ханна была человеком, который умел полностью уйти в книгу и при этом оставаться в мире. Редкий навык — большинство людей либо читают и выпадают из реальности, либо читают и не успевают уйти никуда. Ханна делала и то, и другое одновременно.

Я завидовала этому. У меня с книгами было иначе: я или читала, или жила. Одновременно не получалось. Я всегда погружалась так глубоко, что реальный мир превращался в нечёткие, серые декорации.

За десять лет дружбы Ханна видела меня в самых разных состояниях. Она видела меня в первый год аспирантуры, когда я почти не спала и питалась преимущественно кофе и чем-то в коробочках из автомата. Мои глаза тогда были красными, а пальцы вечно подрагивали от переизбытка кофеина. Видела меня, когда первый грант закрылся раньше, чем проект успел заработать, и я три дня не выходила из квартиры, завернувшись в старый плед, как в кокон. Видела меня, когда что-то начинало работать — по-настоящему работать, не на бумаге, — и я звонила ей в одиннадцать вечера только чтобы сказать об этом вслух, захлёбываясь от восторга.

Она каждый раз приходила. Или приезжала. Или писала в три ночи именно тогда, когда нужно было услышать что-то человеческое.

— Расскажи мне про датчик, — сказала она, обхватив свою чашку ладонями и внимательно глядя на меня.

Хоть она неправильно его назвала — *«носимый биометрический сенсор раннего выявления стрессовых и предобморочных состояний»* — суть была не в названии. Я посмотрела на неё. Ханна работала дизайнером интерфейсов и обычно вежливо пропускала мимо ушей технические детали моей работы — не из равнодушия, а из честности: она знала, что не сможет

оценить то, чего не понимает, и предпочитала не делать вид. Сейчас она смотрела с такой концентрацией, что я невольно выпрямилась.

— Зачем тебе? — спросила я, ковыряя вилкой край пирога. Металл звякнул о керамику тарелки.

— Потому что ты неделю ходишь с таким лицом, что мне хочется или обнять тебя, или встряхнуть. И я подумала, что лучше сначала разобраться, чего именно ты боишься.

Я отправила в рот кусочек пирога. Черника была кисловатой, хорошей. Её вкус на мгновение переключил моё внимание с внутренних страхов на реальность, на текстуру теста, на тепло чашки.

— Я не боюсь, — сказала я, медленно катая языком по нёбу кусочек выпечки.

— Сейди. — Голос звучал укоризненно. Я подняла взгляд. Так и есть, она видела меня насквозь.

— Я беспокоюсь. Это другое. — Я отставила тарелку и скрестила руки на груди, неосознанно защищаясь от её проницательности.

— Ладно. Беспокоишься о чём?

О том, что три года работы могут упереться в решение людей, которые понимают в инвестициях больше, чем в биосенсорике. О том, что семь процентов погрешности при нагрузке — критическое значение, и Лиам (тот самый с Комик-Кона — теперь я называла его так в голове, когда снова и снова прокручивала своё выступление) был прав, задав этот вопрос. И именно это мешало мне, а не его правота сама по себе. Его силуэт и голос в тот момент — сосредоточенные, серьёзные — всплыли в памяти так ярко, что я на секунду зажмурилась, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. О том, что следующая итерация алгоритма требует ресурсов, которых у нас пока нет, и без финансирования мы будем делать её в три раза дольше, буксуя на месте.

— О том, достаточно ли хорошо я объяснила, почему это важно, — сказала я, глядя в окно. На стекле отражался свет лампы, создавая иллюзию звёзд в пустоте. Это то, что грызло меня все эти недели. Руминирующие мысли в голове: «а что если надо было делать упор на этом, а что если надо было сказать так» — не давали покоя ни днём, ни ночью.

Ханна смотрела на меня с той тщательностью, с которой она изучала сложные технические задания от заказчиков — пытаюсь понять, что именно говорится, а что стоит за этим фасадом. Она чуть прищурилась, изучая мой профиль.

— Ты хорошо объяснила, — сказала она. — Я была на двух твоих презентациях. Ты всегда хорошо объясняешь.

— Одна хорошая презентация не равна правильному решению комитета.

— Нет. Но это то, что от тебя зависело. Остальное — нет. — Она взяла кофе и сделала глоток, не сводя с меня глаз. — Кстати. Ты говорила, тот тип с Комик-Кона... он был там? На конференции?

Пауза была на полсекунды короче, чем мне хотелось бы. Я почувствовала, как к щекам приливает тепло. Почему-то. С чего бы это?

Я приписывала парню, задавшему нужный вопрос, слишком значимую роль. Его вопрос был хорош и точен, может, он заинтересован нашим проектом? Может, он донесет информацию до начальства и нам дадут финансирование?

— Да, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально буднично, глядя в кружку, будто там скрыта тайна мироздания.

— И?

— И задал хороший вопрос. Технически грамотный.

— Он задал хороший вопрос, — медленно проговорила Ханна, и в её глазах заплескали лукавые искорки. — А краснеешь ты почему?

Это мне и самой интересно. В парне ничего особенного. Я буквально видела его полтора раза в жизни: на Комик-Кона, где он взбесил меня неправильным толкованием финала любимой книги, и в полумраке конференции, где он задал правильный вопрос. Но почему-то его образ всплывал в голове чаще, чем хотелось бы.

А, и да, он мне снился. Я думаю, на фоне усталости, переживаний о проекте, подобный сон вполне мог присниться. Почему я краснею, спрашивает Ханна? Ну, сон был... не совсем обычный.

Не было остальных слушателей, не было микрофона и необходимости оправдываться за статистические погрешности. Был только полумрак и он. Лиам стоял так близко, что я чувствовала жар, исходящий от его тела, хотя он не касался меня — ни пальцем, ни даже рукавом пиджака.

Я всё ещё была на сцене и пыталась собраться с мыслями для ответа на его вопрос. Он смотрел на меня сверху вниз. Он высокий. За спиной — чёрные крылья. А я всё та же Сейди с конференции.

— Сейди... — его голос прозвучал низко, бархатно, едва вибрируя в тишине. Я физически ощутила, как его дыхание коснулось моей щеки, заставив кожу покрыться мурашками. — Твои семь процентов... ты уверена, что это погрешность, а не нечто большее? — крылья за его спиной сделали ленивый взмах, и меня окатило волной воздуха.

Он наклонился ещё ближе, и я замерла, боясь вдохнуть. В его голосе не было иронии, только странная, почти пугающая интимность. Он произносил слова так медленно, что каждое из них отдавалось у меня где-то внизу живота, заставляя пульс сбиваться с ритма. Я чувствовала, как его присутствие обволакивает меня, лишая способности мыслить рационально, оставляя лишь обострённое, почти болезненное желание сократить это последнее, крошечное расстояние...

Я проснулась в то утро в поту. И в абсолютном ошеломлении на собственный мозг. Да, я вспоминала конференцию часто. Да, я переживала. Да, Лиам внешне был в моём вкусе. Внешне. Но выдавать такое...

Я проигнорировала вопрос Ханны. Скорее всего, она сочтёт это волнением и нежеланием будоражить тему проекта. А я умолчу о таком предательстве собственного подсознания, и уберегу себя от ещё большей красноты и стыда.

— Ладно, — сказала она в итоге, оставляя эту тему. Но её «ладно» прозвучало с тем тоном, который означал: «я знаю тебя и вижу насквозь».

Она пила кофе, очень невинно, с тем выражением лица человека, который в жизни никого ни в чём не обвинял, но при этом знает какую-то очень забавную тайну.

Я съела оставшийся кусок пирога, чувствуя, как сладость оседает на языке, притупляя тревогу.

— Мне нужно закрыть семь процентов, — сказала я, сжимая вилку в пальцах. — Адаптивная калибровка. У нас предварительные результаты дают три.

— Звучит хорошо.

— Да. Хорошо.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться, — сказала Ханна, мягко накрыв мою ладонь своей. Её кожа была прохладной и сухой.

— Я не беспокоюсь.

— Конечно. — Она поставила кружку на стол с тихим, финальным стуком.

Мы досидели до закрытия кофейни. Ханна рассказывала про сложный проект — корпоративный сайт с требованиями, которые противоречили друг другу на уровне технического задания, — а я слушала, кивала и иногда задавала уточняющие вопросы. И это было хорошо: конкретные чужие проблемы всегда немного вытесняли абстрактные, размытые свои. Мы

вышли на улицу, когда фонари уже горели ровным жёлтым светом, и прохладный вечерний воздух ударил в лицо, окончательно протрезвляя.

Дома я открыла ноутбук и просмотрела полевые данные ещё раз. Семь процентов при нагрузке. Три — в следующей итерации. Мы это закроем. Я это знала. Свет от экрана отражался в моих очках, а за окном шелестел ночной дождь, барабанил по подоконнику.

Я закрыла ноутбук и взяла книгу. Она была тёплой на ощупь, пахла старой бумагой и приключениями.

«Некоторые вещи меняются тихо», — сказал Каэлин.

Иногда я думаю, что он говорил не о королевствах. Я долго смотрела на эту строчку, пока слова не начали двоиться в глазах от усталости.

Ожидание решения — это работа. Она так не называется, она нигде так не обозначается, в резюме её не пишут и в рабочие планы не включают. Но это работа: держать уровень функциональности, пока часть тебя ждёт снаружи рабочего контекста. Это состояние постоянного напряжения в плечах, которое не проходит даже во сне.

В те две недели я работала в три раза тщательнее, чем обычно. Это была компенсация: если результат за пределами контроля, я делаю то, что в моём контроле, хорошо. Протоколы — чисто. Данные — проверены дважды. Документация — обновлена до последней запятой. Мой стол сиял непривычной чистотой, всё было разложено по папкам, цветам и категориям.

Адам заметил на пятый день второй недели ожидания. Он стоял за моей спиной, глядя в мой монитор, и я чувствовала его тяжёлый взгляд, от которого между лопатками неприятно покалывало.

— Ты в третий раз обновляешь один и тот же файл, — сказал он.

— Я добавила примечание. — Я не оборачивалась, сосредоточенно печатая. Клавиши щёлкали под пальцами слишком громко в тишине кабинета.

— Маленькое?

— Существенное.

— Покажи.

Я показала, чуть отодвинувшись на стуле, чтобы он мог видеть экран. Колёсико кресла скрипнуло. Примечание было на три слова. Адам смотрел на него минуту. Его лицо оставалось непроницаемым, только в уголках глаз залегли тени от недосыпа.

— Сейди, — сказал он.

— Что?

— Сейди, это примечание говорит «см. раздел три».

— Я знаю. — Мой голос прозвучал чуть резче, чем я планировала. Я сжала в руках шариковую ручку до побелевших костяшек.

— Это примечание ничего не добавляет к пониманию документа.

— Оно добавляет структурную связность. — Я наконец повернулась к нему, стараясь не выпустить ручку из рук.

Адам посмотрел на меня долго. Потом на документ. Потом снова на меня. В его взгляде промелькнула усталость, смешанная с глубоким, почти отеческим сочувствием.

— Пойди выпей кофе, — сказал он мягко, положив руку мне на плечо. Ткань его рубашки была прохладной. — Без ноутбука.

Я пошла выпить кофе без ноутбука. Сидела на кухне, глядя в окно на пустую парковку, где редкие капли дождя рисовали на асфальте узоры, и это помогло примерно на сорок минут. Потом пальцы снова начали нервно искать клавиатуру, даже когда я держала кружку.

Этим вечером Ханна делала то, что умела лучше всего: создавала тепло без видимых усилий. Мы сидели у неё в гостиной, я — в глубоком кресле, в котором почти утопала, она —

на полу, перебирая свои эскизы. На столе горела свеча в стеклянном подсвечнике, и её пламя чуть подрагивало от сквозняка, отбрасывая длинные тени на книги.

— Расскажи мне про самый страшный момент в проекте, — сказала она, не поднимая головы, перекладывая листы.

— Что? — я вздрогнула, вырванная из своих мыслей.

— Самый страшный. Не в смысле плохой — в смысле тот, когда ты думала: это не получится.

Я задумалась, глядя на танцующий огонёк свечи. Свечной воск стекал по стеклу, застывая причудливыми каплями.

— Первая версия алгоритма давала погрешность в четырнадцать процентов. Мы думали, что проблема в аппаратной части. Потратили три месяца. Проверяли каждый контакт, каждую пайку. Потом Элай нашёл ошибку в базовом коде — одна строчка. Лишняя запятая, понимаешь? Вот тогда я думала: если мы не нашли это за три месяца, что ещё мы не нашли. Это было ощущение полного провала, как будто земля уходит из-под ног.

— И?

— Нашли всё остальное. За следующие два месяца. Работали сутками, спали в лабе на сдвинутых столах.

— Значит, это была просто точка, — сказала Ханна, поднимая на меня взгляд. В её глазах отражалось пламя свечи. — Не конец.

— Да. Просто точка.

Ханна кивнула и вернулась к своим рисункам, шурша бумагой.

— Это ожидание — тоже просто точка. Не конец.

Я смотрела на неё — спокойную, уверенную, такую настоящую в этом полумраке.

— Ты очень прямолинейная, — сказала я, чувствуя, как напряжение в груди наконец начинает отступать, позволяя вздохнуть полной грудью.

— Я очень эффективная, — поправила она и взяла кружку, чуть улыбнувшись краем губ.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.